

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЬ (1874 – 1929)

* * *

Тем – клониться к смерти, налегая
В темноте на тягостные весла,
Этим – жить под мачтой, у кормила,
Ведать птиц пути, черты созвездий.

Тем – весь век стенать в изнеможенье
У корней непросветленной жизни,
Этим – уготованы сосуды
Близ цариц-сивилл, провидиц-пифий,
И они там возлежат как дома,
С легким сердцем, с праздными руками.

Всё же темных тех существований
Тень на эти, светлые, ложится;
Легкий мир с тяжелым миром связан
Крепче, чем с землей и небесами.

Оттого не в силах с век стряхнуть я
Всех народов канувших усталость,
Дальних звезд безропотную гибель
От души испуганной упрятать.

Столько чуждых частей моею
В бытии изменчивом играют,
Что она едва ли только тонкий
Пламень или трепетная лира.

(1895)

ГОТФРИД БЕНН (1886 – 1956)

ЙЕНА

«Йена – в прелестной долине Заале», –
мать написала изящной рукой
на обороте открытки, в курзале
купленной (лето, курортный покой);
как же давно растворилось всё это –
пальцы, перо, – уткнуло как вода, –
годы мечтаний, годы расцвета;
только слова эти здесь навсегда.

Нехороша, неказиста картинка –
больше старания, чем мастерства;
в скверной бумаге змеится ворсинка,
зелено небо, лилова трава;
но от домишек над речкою дивной
веяло негой живой и теплом –
кто бы смутился тут кистью наивной
и копииста смешным ремеслом.

Тайный призыв ли – как будто за нитку
дернули свыше, блаженство ли, блажь?.. –
мать попросила в курзале открытку,
так поразил ее чудный пейзаж;
и, повторяю, исчезло всё это, –
что и с тобой приключится, поверь,
в годы мечтаний и годы расцвета
видящим город в долине теперь.

(1926)

ПЯТЫЙ ВЕК (I)

«И сей лекиф аттический со мною –
на белом фоне Прозерпинин миф,
весь путь теней над стиксовой волною –
оставьте, веткой мирта осенив.

И посадите кипарис у двери,
где прежде роз живой огонь не гас,
тимьяном только белым в знак потери
украшенной теперь в последний раз.

Огонь и пепел. Тризна. Без отрады
потом барвинок герму обовьет,
и плач цевницы огласит Циклады,
но вряд ли он в мой скорбный край дойдет».

(1945)

БЕРЛИН

Если парки, если скверы,
степью попранные, серы,
арки пущены в распыл,
замки веют пустотою
и под вражеской пятою –
прах отеческих могил,

то в одном не усомниться:
это место, словно львица,
возлежит – пускай в персти,
пусть в пустыне, но – в гордыне,

и любой его руине
голос Запада нести.

(1948)

ЭПИЛОГ 1949 (I)

Финиш хмельных приливов –
час стыни в синей воде
у помертвельх рифов
коралловых черт-те где.

Пьяных приливов финиш:
чужой, не твой и не мой,
не тронешь рукой, не сдвинешь
извечный образ немой.

Пыланья, взлеты, паденья –
и вот из пепла ответ:
«Жизнь – мостов наведение
над руслом, чей канул след».

(1948–1949)

НИКА

Се – жертва Ники; но на дне потира –
вино иль кровь, – что есть Победы плод,
когда она от сладостного пира
любви встает и молча жертву льет?

Печально на аттическом лекифе
склоняет лоб – предчувствуя изъян
мечей и стрел, уже предвидя в мифе
тебя, святой стрельчатый Себастьян?

Повержены и Кронос и Титаны,
она и Зевс царят, свои лучи
пускает Феб в невиданные страны –
кому же дань она струит в ночи?

(1955)

ПАУЛЬ ЦЕЛАН (1920 – 1970)

ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЙ ЧАС С ЦИРКОМ И ЦИТАДЕЛЬЮ

В огненном круге, в Бресте,
где тигры рычали, – там

я слышу твой голос, бренность,
я вижу тебя, Мандельштам.

Чайка висит над рейдом,
портовый кран косолап.
Ущерб поет канонеркой,
зовущейся «Баобаб».

Приветствую флаг трехцветный
глаголом русских земель:
утрата – не есть утрата,
ведь, сердце, ты – цитадель.

(1961)

Перевел Алексей Пурин